

— Неужели пуля всё-таки задела его!

Гу Чжэн, схватив его за руку, потянул к выходу:

— Всё в порядке, не задело ничего жизненно важного.

Цзо Янь смотрел, как на спине Гу Чжэна всё сильнее проступает кровь. И это он называет всё в порядке?

Когда они вернулись, Цзо Янь вызвался добровольцем:

— Я сяду за руль!

Гу Чжэн приподнял бровь:

— Ты умеешь водить?

— Конечно, — ответил Цзо Янь.

И тут Гу Чжэн на собственном опыте ощутил его манеру вождения. Даже ему пришлось признать: мастерство на высоте — за всю дорогу они не проскочили ни на один красный свет. Конечно, это ещё и потому, что на пути не встретилось ни одного светофора, но вот скорость... её лучше было не комментировать. К счастью, в машине сидел именно Гу Чжэн; окажись на его месте кто-то другой, его бы, пожалуй, вышвырнуло из салона от такой дикой езды.

Машина остановилась. Гу Чжэн с невозмутимым видом вышел из неё и тут же крепко ухватил Цзо Яня, выбиравшегося с водительского кресла:

— Впредь, без моего разрешения, к рулю даже не приближайся!

Цзо Янь почувствовал себя глубоко оскорбленным. Ведь он старался ради кого? Ради того, чтобы поскорее доставить его домой и врач смог обработать раны.

Вернувшись, они посмотрели на полкоробки осколков. Цзо Янь спросил:

— Это ещё можно восстановить?

Хуан Яо, обрабатывавший Гу Чжэну раны — сплошь царапины от пуль, — услышав вопрос, отозвался:

— Разлетелось в пыль, что тут восстанавливать.

Стоит признать, он был в некотором роде зол на Цзо Яня: если бы тот не бегал куда попало, Му Вэй не смог бы его схватить, и ничего этого не случилось бы. Сейчас единственная надежда

разбита вдребезги, а старший ведет себя так, будто ничего не произошло!

Ян Цзы и Чжао Лю, получив известие, тут же примчались. Узнав обо всем, они погрузились в тяжелое молчание. Каждый из них знал, насколько важна эта ваза для Гу Чжэна. За эти годы они облазили все глухие горы и леса страны, потеряв немало братьев. Наконец появилась зацепка, тайна была близка к разгадке, но кто мог подумать, что всё закончится так...

— Глава, может, я отвезу остатки клану Дун? В конце концов, это их профиль.

Гу Чжэн кивнул. Даже если он знал, что, будь старик Дун жив, восстановить вещь всё равно не удалось бы, он делал это лишь для того, чтобы дать остальным надежду.

Когда все разошлись, Гу Чжэн посмотрел на человека, который забился в угол и что-то там украдкой делал.

— Система, вы ведь можете починить это с помощью своих ресурсов?

Система ответила:

— Это субъективное желание цели, я не могу вмешиваться у него на глазах.

Эх, говорят, когда Бог закрывает дверь, он обязательно открывает окно. А у него мало того что дверь захлопнули, так ещё и окно заколотили! Дерьмовая жизнь.

Вздохнув, он обернулся и увидел, что господин Гу наблюдает за ним. Цзо Янь подсел ближе:

— Ты голоден?

— Нет, — ответил Гу Чжэн.

Цзо Янь хотел сказать, что сам он проголодался — сегодня потратил немало сил, и тот скудный завтрак давно переварился. Но раз тот не голоден, Цзо Янь кивнул: ладно, не голоден — значит, свою порцию готовить не нужно.

Гу Чжэн наблюдал, как тот возится на кухне, и вскоре почувствовал аппетитный аромат. Цзо Янь принес миску лапши к столу, вдыхая запах, от которого в животе заурчало. Он подцепил палочками прядь лапши, попробовал — вкус неплохой, мастерство не растерял. Подняв голову, он увидел, что Гу Чжэн смотрит на него. Подумав, Цзо Янь решил спросить:

— Будешь?

Он ожидал, что Гу Чжэн, как и раньше, ответит отказом, но вместо этого тот тихо произнес:

— Буду.

Цзо Янь опешил. Гу Чжэн встал, подошел к нему, взял его палочки, ничуть не смутившись тем, что ими уже ели, и подвинул миску к себе. Лапша с помидорами и яйцом выглядела аппетитно. Он подцепил длинную нить, пробуя на вкус.

— Неплохо.

И принялся не спеша есть. Цзо Янь смотрел на него, и ему страшно хотелось выплеснуть бульон ему в лицо. Но он не посмел, а просто пошел на кухню готовить вторую порцию.

Цзо Янь обожал помидоры, ему нравился этот кисловатый привкус. Доев свою порцию, он наблюдал за Гу Чжэном. Тот даже лапшу ел не так, как он: Цзо Янь мог заляпать бульоном всё вокруг, а Гу Чжэн действовал размеренно и элегантно. Он заметил, что Гу Чжэн имел привычку выуживать из миски целую длинную нить лапши и съедать её с одного конца. Цзо Янь подумал, что как-нибудь приготовит ему лапшу долголетия.

Понаблюдав еще немного, Цзо Янь придвинулся ближе, просунул свои палочки в его миску, подцепил другой конец той же лапшины и взял в рот. На самом деле он был сыт, просто хотел нарушить эту его невозмутимость.

Гу Чжэн действительно остановился, глядя на его губы. Цзо Янь жевал лапшу, думая: неужели он брезгует? Ведь это мои палочки и моя миска! Расстояние между ними сокращалось, пока Цзо Яня не обхватили за шею, и их дыхание не смешалось.

Взгляд Гу Чжэна не отрывался от него. Цзо Янь чувствовал себя олененком под прицелом охотника, хлопая ошарашенными глазами. Изначально они просто ели лапшу, но потом всё переросло в то, что Гу Чжэн принялся кормить его уже совсем другой лапшой.

С кухни они переместились в спальню, из спальни — на балкон. Трапеза затянулась до глубокой ночи, и у Цзо Яня даже губы онемели. Гу Чжэн же всё никак не хотел уходить. Цзо Янь боялся лишний раз пошевелиться: если разбудить спящего в доме динозавра, можно остаться без костей.

Цзо Янь не мог уснуть. Ему хотелось поерзать, но он боялся потревожить того, кто был за спиной, и извивался, словно дождевой червь.

Гу Чжэн открыл глаза:

— Не спишь, о чем думаешь?

Цзо Янь посмотрел на лунный свет:

— Думаю об Эргоу.

Гу Чжэн нахмурился. В его постели, и думает о коте?

Цзо Янь почувствовал, что внутри него снова начинает просыпаться динозавр, и поспешил спросить:

— Почему он сказал, что ты не доживешь до тридцати?

Гу Чжэн понял, что тот пытается сменить тему, но вопрос был действительно интересным. Поэтому он вскользь рассказал ему историю о проклятии. Выслушав, Цзо Янь лишь подумал: и это всё? История, которая должна была быть душераздирающей и трагичной, в пересказе Гу Чжэна уложилась в пару фраз. Если бы Цзо Янь не знал правды, он бы и впрямь решил, что ничего особенного не случилось.

— А если ваза так важна, что будет, если её не удастся восстановить?

Гу Чжэн смотрел на него. В лунном свете лицо его казалось бледным.

— Это проклятие закончится на мне.

Он никогда не планировал заводить детей, да и с того самого возраста, когда начал осознавать себя, он словно пригвоздил свою жизнь к отметке тридцать лет. Раньше у него была навязчивая идея, она служила целью, и он никогда не прекращал погоню.

Прижав к себе того, кто был в его объятиях, Гу Чжэн склонил голову и прикусил его за шею, тихо прошептав:

— Если однажды я умру...

Дыхание Цзо Яня перехватило, и он хрипло ответил:

— Если ты умрешь, я тоже не буду жить.

Гу Чжэн, услышав этот ответ, произнесенный без колебаний, тяжело вздохнул и укусил его за шею.

Цзо Янь смотрел в окно: эх, если ты умрешь, никто в этом доме живым не останется.

Спустя несколько дней из ветеринарной клиники позвонили: кота можно забирать. И еще — собираются ли они забирать машину, оставленную у них?

Цзо Янь положил трубку и под взглядом Гу Чжэна сказал:

— Я поеду заберу Эргоу.

Сзади раздался холодный голос Гу Чжэна:

— Как ты поедешь? Собираешься сесть за руль?

Цзо Янь замер и обернулся:

— Я был неправ.

— О? И в чем же? — спросил Гу Чжэн.

— Я забыл вытащить ключи из замка зажигания.

Гу Чжэн: ...

Машина простояла столько дней и не пропала — воры в отпуске, что ли?

Цзо Янь призадумался:

— Кажется, я еще и двери не запер.

Гу Чжэн схватился за лоб, не зная, что и сказать. Спустя мгновение он взял его за руку и потянул к выходу: такой непутевый, не удивительно, если однажды он потеряет сам себя.

В клинике они увидели всё еще вялого Эргоу — но это до того, как он увидел Цзо Яня. Стоило тому позвать кота, как Эргоу тут же отбросил свою кошачью гордость, бросился к ногам Цзо Яня, несколько раз перекувырнулся, вскарабкался по штанине и, добравшись до головы Цзо Яня, наконец успокоился.

Цзо Янь снял его, поднял перед собой, и человек с котом уставились друг на друга, едва не плача.

— Эргоу, ты так исхудал от голода!

Маленький желтый полосатый кот поднял свои лапки, которые стали еще пухлее, чем раньше, и в ответ мяукнул пару раз. Цзо Янь, словно поняв его, кивнул:

— Это я от тоски по тебе похудел.

Гу Чжэн заметил:

— Ты вчера взвешивался, поправился на три фунта.

— Это весы ошиблись, правда, Эргоу? — сказал Цзо Янь.

Гу Чжэн смотрел на этот диалог, и в его глазах промелькнула улыбка.

Выйдя из клиники, Цзо Янь вдруг увидел в голове какую-то картинку, но она промелькнула так быстро, что он не успел рассмотреть и тут же забыл. Постояв в дверях, он так и не смог вспомнить, о чем это было, и поспешил догнать Гу Чжэна. Весь остаток дня он пребывал в рассеянности, и Гу Чжэн впервые за долгое время наслаждался тишиной.

Лишь глубокой ночью, сходя в туалет, Цзо Янь в полудреме увидел в зеркале свое бледное лицо, и его словно током ударило:

— Вот оно!

Подтянув штаны, он вприпрыжку побежал в комнату:

— Гу Чжэн, Гу Чжэн!

Гу Чжэн, спавший глубоким сном, подумал, что случилось что-то страшное. Открыв глаза, он увидел перед собой лицо, расплывшееся в улыбке, а в руках у того был какой-то флакон.

Гу Чжэн помолчал и спросил:

— Лунатизм?

Цзо Янь потянул его за собой:

— Я вспомнил, зачем нужна ваза!

Гу Чжэн сел на кровати, увидел, что тот босой, и, обхватив за талию, втащил на кровать:

— Зачем?

Цзо Янь указал на дно вазы:

— Внутри есть фрагменты шелка.

Гу Чжэн присмотрелся:

— Шелк?

Цзо Янь кивнул. Неизвестно, какой гений это придумал, но эти вазы — не просто карта маршрута, в дне каждой из четырех ваз спрятан самый важный фрагмент шелка. Поэтому маршрут на четвертой вазе вообще не важен.

Гу Чжэн взял вазу из его рук и взглянул. До этого они всегда концентрировались на корпусе,

никто не думал, что самое важное — это подставка.

Хлоп!

Ваза разлетелась вдребезги, но дно осталось целым. Цзо Янь посмотрел на осколки, потом на Гу Чжэна. Посреди ночи бить вазы в спальне — ты не боишься потом поранить ноги, когда пойдешь в туалет?

Гу Чжэн поднял донышко, взял со столика какую-то статуэтку — всё же это фарфор — и донышко расколосось на две части, обнажив маленький кусочек внутри. Гу Чжэн вытащил его, потер пальцами: материал был точно такой же, как у того кусочка, что был у Цзо Яня, а в свете лампы на нем виднелись странные черные линии.

Цзо Янь спросил:

— Они одинаковые?

Гу Чжэн протянул ему находку:

— Ты еще что-нибудь вспомнил?

Цзо Янь повертел кусочек в руках — он всё равно ничего не понимал.

— Кроме этого, больше ничего.

Его память была очень капризной, никто не знал, когда и что именно он вспомнит. Гу Чжэн забрал у него фрагмент, вложил в книгу на прикроватной тумбочке и обнял его за талию:

— Спи.

Узнали такую важную новость, и вот такая реакция?

Хриплый голос Гу Чжэна раздался над ухом:

— Не хочешь спать, хочешь заняться чем-то другим?

Цзо Янь тут же притих: лучше спать.

Спустя некоторое время Гу Чжэн крепче обнял его:

— Не вертись.

Цзо Янь замер. Господин Гу, ты что, во сне разговариваешь?

На следующее утро Хуан Яо, проснувшись, увидел, как его брат и Хэ Чжию в гостиной разбивают вазы. Один удар молотком — и ваза стоимостью в десятки миллионов превращается в пыль. Но оба выглядели такими довольными, что он на мгновение подумал, не галлюцинация ли это.

— Брат, вы что делаете...?

Хуан Яо был в замешательстве: не заразился ли его брат безумием от Хэ Чжию?

Цзо Янь: что значит этот твой взгляд? Объяснись.

Подойдя ближе, Хуан Яо увидел, что Гу Чжэн достал из осколков маленький фрагмент и положил на стол — теперь их было уже три.

— Что это? — удивленно спросил Хуан Яо.

Гу Чжэн достал цельное полотно шелка и наложил фрагменты сверху. Пока ничего не было понятно. Гу Чжэн сказал:

— Скорее всего, это карта гробницы. Сяо Яо, поезжай в клан Дун и заberi вазы.

Услышав это, Хуан Яо тут же поехал в клан Дун. Но, к его удивлению, вернулся ни с чем: клан Дун, желая отплатить за услугу Гу Чжэну, уже отправил осколки в Лиду, чтобы привлечь к делу старых мастеров. Но, услышав просьбу Хуан Яо, они позвонили Дун Даню в Лиду, чтобы тот вез всё обратно. Лиду — это захолустный городок, путь оттуда до столицы занимал более десяти часов.

Ожидание всегда мучительно, но это был тот самый случай, когда после отчаяния вдруг забрезжил свет. Казалось, надежды нет, и вдруг такой сюрприз — тут можно было ждать не то что десять часов, а десять дней.

Цзо Янь всю ночь был возбужден и почти не спал, а днем веки сомкнулись, и он уснул прямо на диване. Проснулся он уже вечером. Протерев глаза, он неуклюже сел. В комнате было тихо, ни звука. Мозг Цзо Яня соображал медленно. Не включая свет, он на ощупь поднялся вверх.

Открыв дверь своей комнаты, Цзо Янь подошел к кровати и вдруг покрылся холодным потом. Оцепенело развернувшись, он выбежал, захлопнул дверь, и ноги его подкосились.

Черт! Привиделось!

В его комнате, на месте, где стояла кровать, теперь стоял гроб. Черный, с полуоткрытой крышкой.

— Система! Это я умер или Гу Чжэн?

— Вы оба живы.

— Тогда почему в моей комнате гроб?!

Система тихо ответила:

— Гу Чжэн купил.

Цзо Янь замолчал. Интересы господина Гу становятся всё более специфическими. Несколько дней назад у него в голове промелькнула такая мысль, но он не думал, что Гу Чжэн действительно его купит.

В свою комнату он вернуться не мог, поэтому побрел в комнату Гу Чжэна, рухнул на кровать и завернулся в одеяло, как цзунцзы.

Система:

— Тебе не жарко?

Цзо Янь посмотрел на свой кокон:

— Пока не приходится спать в гробу, эта маленькая жертва вполне оправдана.

Когда Гу Чжэн вернулся вечером, он увидел на своей кровати кокон, а внутри — шевелящуюся личинку, которая отчаянно пыталась выбраться наружу, но из-за того, что была слишком туго замотана, сердито хмурилась.

Цзо Яню снился сон: Гу Чжэн связал его веревками и бросил в гроб, он не мог пошевелиться, и удушье становилось всё сильнее...

— Гу Чжэн...

Услышав бормотание юноши, Гу Чжэн наклонился ближе. Он слышал, как тот постоянно зовет его по имени, и выражение лица Гу Чжэна смягчилось.

Цзо Янь чувствовал, что вот-вот задохнется, и слабо прошептал:

— Гу Чжэн... даже став призраком, я тебя не отпущу.

Гу Чжэн дернул за край одеяла, и «большая личинка» освободилась, скатившись на пол. Цзо Янь ударился лбом, наконец проснулся, вскарабкался обратно на кровать, закрыл глаза и снова

уснул, так и не заметив стоящего рядом человека.

Кровать прогнулась, холодные пальцы нежно погладили его по шее, и голос Гу Чжэна раздался совсем близко:

— Даже став призраком, не отпустишь?

Он произнес это только один раз, как же так вышло, что ты это услышал?

Цзо Янь крепко зажмурился, притворяясь спящим:

— Это всё было во сне.

Гу Чжэн приподнял бровь:

— А сейчас ты тоже во сне говоришь?

Цзо Янь, не краснея, ответил:

— Всё во сне.

Гу Чжэн усмехнулся:

— Говорят, если разговаривать с тем, кто бредит во сне, на следующий день человек станет дураком.

Тогда зачем ты со мной разговариваешь!

Гу Чжэн:

— Видел подарок, который я тебе купил?

Цзо Янь продолжал изображать труп — он ничего не видел. Вместе с голосом Гу Чжэна слышалось шуршание одежды. Услышав, как ремень упал на пол, Цзо Янь не выдержал и украдкой открыл глаза.

Свет не был включен, лишь слабый лунный свет проникал в комнату, но Цзо Янь отчетливо разглядел его восемь идеальных кубиков пресса. Плавные линии, ничего лишнего, всё в меру. Рука так и тянулась прикоснуться. Глядя на это, Цзо Янь не мог отвести взгляд.

Гу Чжэн, раздевшись, повернул голову к нему, его дыхание стало тяжелым. Цзо Янь спал только в свободных трусах, которые давно задрались до самых бедер. Сейчас он обнимал одеяло и не мигая смотрел на него, бледный, с волосами, прилипшими ко лбу от пота. Если описать это одним словом — соблазнительно.

Поэтому Гу Чжэн церемониться не стал. Сделав шаг, он приблизился. Цзо Янь увидел, что пресс всё ближе, и машинально протянул руку, коснувшись его.

— На ощупь просто отлично.

Гу Чжэн, услышав это, посмотрел на него темным взглядом:

— Нравится?

Цзо Янь вдруг очнулся и, увидев недобрый блеск в глазах мужчины, собрался бежать. Гу Чжэн опустил руку и ухватил его за резинку трусов.

Цзо Янь поспешно прикрылся:

— Отпусти!

Гу Чжэн приподнял бровь и разжал пальцы.

Хлоп!

Звук вернувшейся на место резинки заставил обоих замереть. Цзо Янь увидел, что взгляд мужчины становится всё опаснее: небо, за что?!

Соседний новоприобретенный гроб вскоре был пущен в дело. И как только Цзо Янь мог любить и ненавидеть этот «апельсин» одновременно? На вкус — сладко, на ощупь — приятно, но единственная беда — устаешь его грызть, а мякоти так много, что никак не съесть до конца.

Дун Дань, получив известие из дома, всю ночь ехал обратно и, даже не заезжая домой, помчался к дому Гу Чжэна. Поскольку Гу Чжэн заранее предупредил охрану, проблем с проходом не возникло. Он хотел позвонить в дверь, но вспомнил, что может потревожить кумира, и тут заметил открытое окно. Изменив план, он запрыгнул внутрь. В доме было темно, лишь сверху доносились какие-то звуки.

Дун Дань сглотнул слюну. Место было глуховатое, и пока он шел, ему казалось, что из пустых домов за ним кто-то наблюдает. Звуки становились всё отчетливее. Такие звуки он знал слишком хорошо. Дун Дань усмехнулся: он хотел просто оставить вещи и уйти, но, сделав пару шагов, почувствовал неладное — почему это мужской голос?

Озадаченный Дун Дань, движимый невыносимым любопытством, поднялся наверх. Звуки стали совсем близкими, но вдруг внезапно стихли!

Дун Дань затаил дыхание: почему всё замолкло?

Набравшись смелости, он дрожащими руками слегка приоткрыл дверь. Едва она приоткрылась, глаза Дун Даня расширились. В лунном свете он увидел, что в комнате стоит гроб!

<http://bllate.org/book/21640/2233048>